

Научная статья

УДК [008:316.33/.35](470.6)

ББК 72(235.7)

С 30

doi: 10.53598 / 2410-3691-2021-2-279-147-155

КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЕ КИЙИЗЫ КАК ПРЕДМЕТЫ МИРА «ВЕЩЕЙ»

(Рецензирована)

Галина Викторовна Семина

Институт философии и социально-политических наук Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия, semina_galya@mail.ru

Аннотация. В статье автор исходит из понимания феномена культуры (как в искусстве, так и в философии) как культуры, способной жить и развиваться только в одновременном диалоге с другими культурами, который В.С. Библер назвал «культурологическим парадоксом». В процессе проведенного исследования выстроено понимание того, что культура есть мир «вещей», основанный на диалоге их создателей не только с людьми настоящего, но и с последующими поколениями, так как рассказывают потомкам о мировоззрении прошедшей эпохи, о ценностях культуры предков, о мировидении создателей произведений. Автор считает этот аспект достаточно важным и значимым для решения проблем по дальнейшему сохранению культурного наследия народов Северного Кавказа в глобализирующемся мире, стремящемся к всеобщей унификации и нивелирующим тем самым самобытность культур этносов. Культурфилософский анализ предметов как «вещей» способствует выявлению их смыслов, несущих на себе печать человека как homo faber, как созерцателя и как пользователя, которому не только открыто их предназначение, но и без которого в принципе невозможно их существование. В качестве примера рассмотрены узорные карачаево-балкарские ковры – кийизы. Проведена сравнительная параллель между возможными интерпретациями орнаментальных мотивов жыйгыч кийизов – узких полосок, покрывавших полки в патриархальных жилищах этих этносов, и предполагаемым диалогом с Другим. Материал дает основание сделать вывод о том, что эти ковры-занавеси «читаются» по типу «культурного текста» – неких закодированных таким образом посланий предков.

Ключевые слова: феномен культуры, культура этноса, «вещь», жыйгыч кийиз, диалог с Другим.

Для цитирования: Карачаево-балкарские кийизы как предметы мира «вещей» /Г.В. Семина //Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». 2021. Вып. 2 (279). С.147-155 doi: 10.53598 / 2410-3691-2021-2-279-147-155

Original Research Paper

KARACHAY-BALKARIAN KIYIZ AS AN OBJECT OF THE WORLD OF “THINGS”

Galina V. Semina

Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, semina_galya@mail.ru

Abstract. In the paper, the author proceeds from the understanding of the phenomenon of culture (both in art and in philosophy), as a culture capable of living and developing only in a simultaneous dialogue with other cultures, which V.S. Bibler called “a cultural paradox”. In the process of the study, the understanding is built that culture is a world of “things”, basing on the dialogue of their creators not only with the people of the present, but also with subsequent generations. They tell descendants about the worldview of the past era, about the values of ancestral culture, about the worldview of the creators of works. The author considers this aspect important and significant enough to solve the problems of further preserving the cultural heritage of the peoples of the North Caucasus in a globalizing world, striving for universal unification and thereby leveling the identity of ethnic cultures. Cultural-philosophical analysis of objects as “things” helps to identify their meanings, bearing the stamp of a human being, as a homo faber, as a contemplator and as a user, to whom not only their purpose is open, but also without which, in principle, their existence is impossible. The patterned Karachay-Balkarian rugs – *kiyizes* – are considered as an example. A comparative parallel was drawn between possible interpretations of the ornamental motifs of the *zhyigych kiyizes* – narrow strips covering shelves in the patriarchal dwellings of these ethnic groups, and the alleged dialogue with the Other. The material gives reason to conclude that these curtain rugs are “read” according to the type of “cultural text” which is a kind of coded message from the ancestors.

Keywords: culture phenomenon, ethnic culture, “thing”, *zhyigych kiyiz*, dialogue with the Other

For citation: Karachay-Balkarian kiyiz as an object of the world of “things”/G.V. Semina//Bulletin of Adyghe State University. Series “Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies”. 2021. 2 (279). P.147-155 (in Russian) doi: 10.53598 / 2410-3691-2021-2-279-147-155

Накануне XXI в. о некоем сдвиге в понимании феномена культуры (как в искусстве, так и в философии), который произошел уже в человеческом сознании, рассуждал В.С. Библиер, трактовавший его как некое «двуликого Януса», обращенного в равной степени как к иным культурам и к своему бытию в иных мирах, так и вглубь себя, стремящегося к изменениям и дополнениям этого бытия [1]. И эти «трансформации», начавшиеся тогда в понимании культуры, на которых акцентировал внимание ученый, продолжают набирать обороты и по сей день. Резюмируя происходящие перемены, механизм всеобщей формулы развития культуры В.С. Библиер основывал не на обобщении, а на «общении различных форм понимания»,

обозначив его как «культурологический парадокс». Культуру конца XX в. он характеризовал как «общение (и взаимопорождение) культур только в контексте настоящего». В.С. Библиер считал, что как Софокл невозможен без Шекспира, так и наоборот, поскольку «Софокл иначе, но и более уникально, понимается и иначе формируется в сопряжении с Шекспиром» [1]. Утверждение ученого о том, что культуры могут жить и развиваться только в одновременном диалоге с другими культурами, способными выходить за свои пределы, достаточно актуально и сегодня.

Согласно В.С. Библиеру, в культурах предшествующих времен их основы строились на узковекторной направленности человеческой деятельности: от человека на предмет,

то есть от автора к читателю, от Я к Другому, от Я к Ты. Общеизвестно, что произведения искусства не могут существовать не только без автора, но и без слушателя/зрителя. В.С. Библер при этом обратил внимание на то, что они не могут твориться не только без реципиента сегодняшнего, но и без того, кто его воспринимает со стороны – «сквозь века». Возможно, что раньше создатели предметов «вещей» не задумывались о том, что их творения будут находиться в диалоге не только с людьми настоящего, но и с последующими поколениями. Еще М.М. Бахтин отмечал, что «контакт настоящего с далеким прошлым рождается из диалога реципиента со своим автором – диалога, который всегда глубоко историчен и персонифицирован» [2; 307]. То есть авторы, создавая свои произведения, опосредованно, через предметы мира «вещей» рассказывают потомкам не только о своем мировидении, но и о культурных ценностях и мировоззрении своей эпохи. Так, рассматривая культуру в современном культурфилософском контексте, возможно утверждать, что она и есть тот мир «вещей», то множество предметов, которые созданы человечеством в процессе своего существования. И в данном аспекте «вещь» является неразрывной частью как материального мира, так и духовного.

Одними из таких «вещей», рассматриваемых автором в настоящей статье, являются карачаево-балкарские узорные войлочные ковры. Карачаевцы и балкарцы – тюркоязычные народы Северного Кавказа, на протяжении всей своей истории существования валяли из овечьей шерсти различные ковры (кошмы): это ала кийизы (самые архаичные «пестрые» войлоки), и жыйгыч кийизы (ковры-занавеси для полок в технике аппликации), бичген кийизы (войлоки в мозаичной технике) и намазлыки (коврики для молитвы). Ранее эти кийизы были классифицированы по назначению и технике

орнаментации, интерпретированы по орнаментальным мотивам, композиционной символике, цветовым решениям такими исследователями прикладного изобразительного искусства народов Северного Кавказа, как Е.Н. Студенецкая, А.Я. Кузнецова, Е.Г. Царева и другие. Постепенно материал по рассмотрению этого уникального культурного наследия накапливался и расширялся. В настоящей статье автор тоже обращается к анализу кийизов балкарцев и карачаевцев, но в культурфилософском ракурсе – как «вещей» предметного мира. Так, проецируя понимание культуры В.С. Библером на искусство, например, на орнаментуку архаичных кийизов горянок, можно сказать, что их интерпретация с позиций современных познаний может быть совсем иной, нежели подразумевали сами авторы – это «есть корни друг друга не только в нашем понимании, но именно во всей уникальности, «уплотненности», всеобщности собственного, особенного, неповторимого бытия» [1]. Этот культурфилософский анализ, который был начат автором настоящей статьи в его предыдущих материалах [3, 4], является достаточно актуальным и значимым для решения проблем по дальнейшему сохранению культурного наследия народов Северного Кавказа в глобализирующемся мире, постоянно стремящемся к всеобщей унификации.

Человек, создавая предметы с изначально утилитарной функцией, выступал как демиург, как «делатель», как homo faber, точно зная, с какой целью он их творит. И только несколько позже человек как созерцатель и пользователь созданной «вещи» в своеобразном диалоге с ней наделял уже ее различными смыслами. Таким образом, помимо функциональных свойств, «вещь», существуя в культуре как компонент материально-духовного мира, приобретала и закодированные автором символические значения. Так, кийизы, которыми горцы утепляли

и украшали свои жилища, имели как утилитарную и эстетическую функции, так и символическую - с определенной смысловой нагрузкой в свадебных/похоронных обрядах, и защитно-магическую, отмеченную в исследованиях Е.Н. Студенецкой: «...в более ранний период [когда] очаг находился посередине дома... полоса узорного войлока могла охватить и, следовательно, «защитить» своей магической силой жилище со всем, что в нем находилось» [5; 212]. В данном случае «вещетворение» и «вещепользование» конкретно и наглядно определяют весьма важный аспект жизни и деятельности человека, а через них и самого человека, ибо «вещь» несет на себе печать человека, которому суть ее не только открыта, но и без которого она не может существовать, как утверждал В.Н. Топоров, исследовавший природу вещи в культурном контексте [6; 8].

«Вещь» является средством трансляции знаний из поколения в поколение, как в традиционных, так и в современных культурах. Ранее рассмотрение «вещи» происходило либо по пути определения ее роли в традиционной или современной культурах, либо по пути изучения ее функциональности в данных культурах. Однако, основываясь на культурфилософском анализе, для определения смысла предметов мира «вещей» необходимо объединить их значения и функции, не абстрагируясь от социума, чтобы правильно выявить смыслы этих «вещей» для дальнейшей реконструкции этнического миропонимания. так как «весь окружающий мир состоит из предметов, образующих контекст человеческого существования» [7; 121]. Классифицируя «вещи» тюркоязычных народов Центральной Азии в аспекте реконструкции мировоззрения их культуры, С.М. Богомаз констатировала, что «ни одна вещь в традиционной культуре не выполняет строго своих утилитарных функций, она всегда обладает

возможностью поменять их в зависимости от контекста. В ряде случаев первоначальное назначение вещи абсолютно нивелируется» [7; 123].

Согласно классификации, которую исследователь назвала конвенциональной, существуют:

– «вещи»-знаки (обширная группа предметов, включающая практически все вещи);

– «вещи»-символы (предметы обычно религиозно-обрядовой сферы деятельности, где основная функция предметов нивелировалась и создавалась другая, с новым заданным контекстом);

– артефакты (предметы, которые обычно хранятся как память предков);

– маркеры (предметы, разграничивающие определенные сферы существования человека);

– «вещи»-сюжеты (предметы с превалирующим мифологическим сюжетом).

Основываясь на данной классификации «вещей», кийизы в традиционной караево-балкарской культуре можно отнести и к «вещам»-знакам, так как войлочные ковры – это предметы с несомненным знаковым значением, и к маркерам, прочерчивавшим определенные разграничения, и к «вещам»-символам, так как их основная функциональность с течением времени нивелировалась и возникала символичность с соответствующим контекстом. Жыйгыч кийизы, конечно же, можно классифицировать как «вещи»-сюжеты, так как в большинстве композиционной орнаментики использовались мифологические сюжеты (например, о представлении мироустройства, его трехчастном делении), и как артефакты, потому что передавались потомкам в качестве памятной атрибутики рода. Таким образом, нельзя не согласиться с тем, что для культур как древнетюркских народов, так и их потомков было в целом нехарактерно использование предметов только в утилитарном плане. Одни и те же

«вещи» в этих традиционных культурах одновременно могли обладать несколькими функциями, что способствовало выявлению скрытых механизмов их воздействия.

Потребность прочесть культурные эпохи через феномен определения и понимания внутренней формы «вещи» в истории наблюдалась неоднократно. Так, в своих работах Г.С. Кнабе писал о том, что «внутренняя форма составляет малоизвестную, но систематически обнаруживаемую характеристику культуры и ее исторических эпох». Он определял главную функцию «вещи» как диалог, «который возникает благодаря противоречию двух ладов (старого и нового) и создает тем самым культурно-исторический, художественный смысл вещи» [8; 15]. Любой артефакт, обретая внутреннюю форму и в процессе его познания взаимодействуя с внутренним опытом, окрашивается и становится означаемым, в котором слиты «предмет и его смысл, предмет и смысл факта культуры и истории, «Я» и мир» [8; 17]. Подобное утверждение делал и Р. Барт: «У вещи всегда есть смысл, который не покрывается ее применением» [9; 223]. Означаемые «вещей» во многом зависят не от создателя «вещи», а от их читателя. Основываясь на том, что любая «вещь» легко

поддается различным смысловым прочтениям, становится понятно, что одна и та же «вещь» может быть прочитана по-разному не только разными читателями, но и в сознании одного читателя [9; 226].

Приведенное выше подтверждается на примере анализа карачаево-балкарских войлоков, например, длинных узорных полосок – жыйгыч кийизов (джыйгыч кийизов), которыми эти этносы украшали полки для домашней утвари в своих патриархальных жилищах. Эта разновидность кийизов отличалась от других не только функцией, но и своей формой и цветом: для данных войлочных полотен были характерны черно-белый орнамент и бордюрная полоса, обрамлявшая занавес в виде фризы. Нижнюю сторону ковра определяли с помощью обязательной бахромы. Существует несколько интерпретаций орнаментов одних и тех же кийизов. Например, исследователь ковров мира Е.Г. Царева, анализируя орнамент одного из архаичных образцов джыйгыч кийизов (жыйгыч кийизов) (рис. 1), в статье об их иконографии интерпретирует его как «рисунок с космогоническим звучанием», в котором воплощено представление древнетюркских народов Евразии о трехчастном делении мира [10; 29].

Рис.1. Войлочный ковер-занавес, с. Кенделен (балкарцы, начало XX века). Из фондов ГМЭ, № 6086-16. Публикуется по [10].

Дополним трактовку данного «рисунка». На нем отчетливо представлены орнаментальные формы: зигзаги с «топорщащимися» на них отростками трилистника, которые как бы выростали на склонах и вершинах гор, символизировали вечность и постоянство и ассоциировались с центром мироздания (рис. 2); фигурки Богини-Матери (рис. 3,

справа), расположенные в нижнем ярусе и чередующиеся с другими, трактуемые Е.Г. Царевой лишь как «ряд вертикальных древовидных фигур». Вместе с тем символические фигурки Богини-Матери использовались при орнаментации практически всех жыйгыч кийизов в качестве магических авторитетов начала и продолжения рода.

Рис. 2. Модификация трилистника на бордюрах войлочных ковров. Публикуется по [11].

Рис. 3. Прорисовки изображений бараньих рогов и Богини-Матери.

Также следует отметить и зигзагообразные формы в композициях центрального поля жыйгыч кийизов, указывавшие на наличие в этих культурах древнего образа змеи, «очень распространенный в верованиях кавказских племен и связанный с таким же древним его изображением, как зигзаг» [11; 69]. Итак, при декодировании орнаментальной композиции жыйгыч кийиза, исследованного и описанного Е.Г. Царевой, становится очевидным понимание предками всего мирового устройства, поделенного в их сознании на три части: верхняя часть представлялась местом каждодневного рождения небесных светил (солнца и луны), средняя часть олицетворяла место обитания «рожениц» и «сынов человеческих», а нижняя часть символизировала подземную жизнь со своими реками, горами и душами предков. И с этой интерпретацией сложно не согласиться. При этом выбор характерной для жыйгыч кийизов фризовой удлиненности, конечно же, трактуется

согласно их функциональности – покрытию длинных полок для утвари в жилищах, то есть подчеркивается, что «выбор композиции обусловлен функцией предметов и восходит к технике наскальных росписей» [10; 28]. Это высказывание, как считает автор настоящей статьи, является основанием для утверждения, что, «читая» ковер как «культурный текст», «прочитывается» представление предков о мироустройстве, где вертикальная троичность соответствовала в их видении символическим трем мирам: царству Богов, царству людей живых и царству мертвых.

Тут же в своем материале Е.Г. Царева пишет о том, что разнообразие декора этих кошм другой исследователь народного искусства балкарцев и карачаевцев А.Я. Кузнецова сводит к «деривациям одного мотива», то есть склоняется к тому, что во всех аппликационных мотивах жыйгыч кийизов основными формообразующими элементами были разнообразные вариации

бараньих рогов (къочхар мюйюз), на ковре-занавесе, представленном что, несомненно, просматривается на рисунке 4 [11; 59].

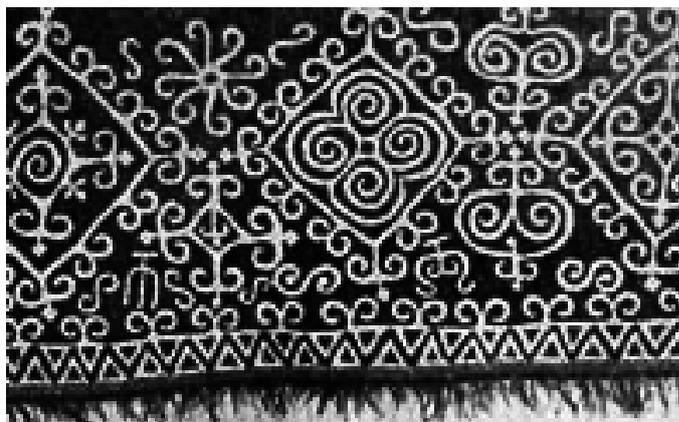

Рис.4. Войлочный ковер-занавес, с. Карт-Джурт (карачаевцы, конец XIX века).
Из фондов ФЭ, № 382-ф. Публикуется по [11].

Роговидные завитки «къочхар мюйюз» представляли собой ритуальную эмблему номадических народов, где баран считался священным животным, олицетворявшим жизненную силу и материальное благополучие (рис. 3, слева). Они были обязательными элементами в узорах аппликационных кошм, так как, включая их в рисунок в большом количестве, мастерица тем самым вкладывала особый сакральный смысл в пожелание хозяину ковра богатства в виде многочисленных отар овец. А.Я. Кузнецовой особо отмечалось, что «богатство орнаментальных форм аппликативных полочных кошм, их красота и выразительность» составляли «кладовые национального орнамента» [11; 62]. Так, горянки традиционно в композициях своих ковров использовали как геометрические (треугольники, зигзаги, дуги), так и растительные (трилистник, лотос), зооморфные (змей, рога баранов и оленей) и космогонические (божества и их знаки, солярные знаки – круги, звезды, кресты, ромбы) фигуры. Если в архаичной караево-балкарской орнаментике войлочных изделий преобладал «циркульный» орнамент с доминированием солярных знаков,

отражавших их языческое мировоззрение, то в более поздний период наблюдалось их совмещение с роговидными завитками тюркского происхождения и тамгами (метками) – знаками-символами родовой (фамильной) принадлежности, в основе которых использовались не только стилизованные сакральные пиктограммы, тотемные животные и этносимволы, но и наипростейшие геометрические фигуры, такие как треугольники, квадраты, круги.

Ковер-занавес, представленный на рисунке 4, скорее всего, является свадебным подарком молодоженам. Данное предположение основано как на множестве орнаментальных элементов, использованных в композиции жыйгыч кийиза: «бараньих рогов» в качестве пожеланий благополучия и процветания молодой семье; фигурок Богини-Матери в качестве напоминаний о необходимости продолжения рода; изображений змеек в качестве охранного оберега, символизировавших мудрость и долголетие; так и на двух тамгах, расположенных на поле ковра справа и слева от центра, которые, возможно, принадлежат двум фамилиям, породнившимся в этом союзе. Таким образом, на обоих рассмотренных

коврах-занавесах, как на «посланиях с пожеланиями», явно «прочитывается» глубокий символический смысл, вложенный в их содержание мастерицами. Эти жыйгыч кийизы воспринимаются как своеобразные диалоги с Другим (современниками и, возможно, потомками). И на основании изложенного можно сделать

вывод о том, что формирование тех или иных символических прочтений «вещи» происходит благодаря контексту событий. Функции «вещи» подвергаются изменениям благодаря созданным «вещному» миру и миру представлений, в которых сама «вещь» своим существованием одновременно организует эти миры.

Примечания:

1. Библер В.С. Культура. Диалог культур (опыт определения) // Вопросы философии. 1989. № 6. С. 31-42.
2. Семина Г.В. Диалогизм кийиза как «вещи со смысловыми контекстами» // Диалог культур сквозь призму искусства: история, теория, прагматика: сб. материалов VI Всерос. (с международным участием) науч.-практ. конф.. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2019. С. 256-259.
3. Эфендиев Ф.С., Семина Г.В. Кийиз как «вещь» в контексте традиционной и современной культуры: архаика и современность // Культурная жизнь Юга России. 2016. № 2 (61). С. 30-33.
4. Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство, 1979. 364 с.
5. Студенецкая Е.Н. Узорные войлоки карачаевцев и балкарцев // Кавказский этнографический сборник / отв. ред. В.К. Гарданов. Москва: Наука, 1976. Вып. 6. 221 с.
6. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное. Москва: Прогресс: Культура, 1995. 624 с.
7. Богомаз С.М. Вещь в традиционной культуре тюркских народов Центральной Азии // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 3 (4). С. 121-126.
8. Кнабе Г.С. Семиотика культуры: конспект учеб. курса. Москва: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2005. 63 с.
9. Барт Р. Семантика вещи: доклад на конференции «Искусство и культура в современной цивилизации», Венеция, сентябрь 1964 // Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры. Москва, 2003. 512 с.
10. Царева Е.Г. К истории техники и иконографии настенных занавесей «джыйгыч кийиз» // Вестник Майкопского государственного технологического университета. Майкоп: МГТУ, 2013. Вып. 4. С. 23-31.
11. Кузнецова А.Я. Народное искусство карачаевцев и балкарцев. Нальчик, 1982. 175 с.

References:

1. Bibler V.S. Culture. Dialogue of cultures (experience of definition) // Problems of Philosophy. 1989. No. 6. P. 31-42.
2. Semina G.V. Dialogism of kiyiz as “things with semantic contexts” // Collection of materials of the VI All-Russian (with international participation) scientific-practical conference “Dialogue of cultures through the prism of art: history, theory, pragmatics”. Nalchik: M. and V. Kotlyarovs publishing house, 2019. P. 256-259.
3. Efendiev F.S., Semina G.V. Kiyiz as a “thing” in the context of traditional and modern culture: archaism and modernity // Cultural life of the South of Russia. 2016. No. 2 (61). P. 30-33.
4. Bakhtin M.M. To the methodology of the humanities / Bakhtin M.M. Aesthetics of verbal creativity. Moscow: Art, 1979. 364 p.

5. Studenetskaya E.N. Patterned felts of Karachais and Balkars // Caucasian ethnographic collection. Issue 6 / Resp. ed. V.C. Gardanov. Moscow: Nauka, 1976. 221 p.

6. Toporov V.N. Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the field of mythopoetic: Selected works. Moscow: Publishing group "Progress" – "Culture", 1995. 624 p.

7. Bogomaz S.M. Thing in the traditional culture of the Turkic peoples of Central Asia // Bulletin of the Tomsk State University. 2008. No. 3 (4). P. 121-126.

8. Knabe G.S. Semiotics of culture: Summary of the training course. Moscow: Russian State Humanitarian University, 2005. 63 p.

9. Bart R. Semantics of a thing (Report at the conference "Art and Culture in Modern Civilization", Venice, September 1964) / Bart R. Fashion System. Articles on the semiotics of culture. Moscow, 2003. 512 p.

10. Tsareva E.G. On the history of technology and iconography of wall curtains "jyigych-kiiz" // Bulletin of the Maikop State Technological University. Issue 4. – Maykop: MSTU, 2013. P. 23-31.

11. Kuznetsova A.Ya. Folk art of Karachais and Balkars. Nalchik, 1982. 175 p.

Статья поступила в редакцию 13.03.2021; одобрена после рецензирования 15.05.2021; принята к публикации 20.05.2021.

The paper was submitted 13.03.2021; approved after reviewing 15.05.2021; accepted for publication 20.05.2021.

© Г.В. Семина, 2021